

Ты — обычный ребёнок!

Мама Екатерина Путилова,
дочь Нонна Тарасенко

Началась эта история, как и у многих: мой ребёнок заболел, но врачи никак не могли поставить точный диагноз. Была высокая температура, были геморрагии, такие небольшие синяки. В один из дней я подумала, что у Нонны лейкоз, поскольку тема для семьи не новая, моя мама болела раком груди. Тем не менее до того момента, как мы попали в детский онкологический центр, прошло ещё какое-то время. Только пятый или шестой врач, который смотрел Нонну, сказал, что это не аллергия. Хорошо помню, как в приёмном отделении у неё сползли очки, и по результатам её направления на анализ крови нас сперва перевели в гематологию, а потом в онкоцентр. Когда мы туда приехали, я сразу чётко знала: диагноз подтвердится, и мы здесь останемся надолго. Но, с другой стороны, я также твёрдо знала, что моя дочь выздоровеет. Да, онкология — это долго, тяжело, практически губительно для семьи, но не смертельно, это точно! Возможно, вся эта уверенность осталась с маминной болезни, когда мне было шесть лет.

Нонне было тогда полтора года. Я думала, что всё, что связано с онкологией, она забудет. Или будет помнить какие-то пиковые моменты, допустим, контрасты «дом — онкология». Но, к моему удивлению, она отлично помнит некоторые вещи. Как подарили огромную машину на день рождения. Как приезжали фокусники и показывали химические опыты. Как мы с ней готовили в больнице салат, она порезала пальчик, и врач меня очень ругала, потому что порезы — это просто преступление по отношению к лейкознику! Сегодня она, как и все дети, играет в «больницу». Что такое уколы, она знает хорошо. А вот что такое капельница — совершенно нет. Не помнит, что такое быть «под проводком», хотя в онкологии капельницы, конечно, были. Мне кажется, голова ребёнка имеет мощный восстановительный механизм, и Нонна выбрала, что помнить, а что забыть.

«ОНКОЛОГИЯ — ЭТО ДОЛГО, ТЯЖЕЛО,
ПРАКТИЧЕСКИ ГУБИТЕЛЬНО ДЛЯ СЕМЬИ,
НО НЕ СМЕРТЕЛЬНО, ЭТО ТОЧНО!»

Лечились мы долго. Десять месяцев в Пермском детском онкоцентре на полной госпитализации. Потом поддерживающие химиотерапии. Месяца четыре жили в Казани, тоже проходящие поддержки. Вот там-то я поняла, насколько у нас в городе всё цивилизованно! Там простое отделение, где все вперемешку. А у нас очень строгие врачи! Они всё время ругались по поводу чистоты и стерильности. Наверное, если бы основное лечение Нонны проходило в Казани, я бы с ума сошла! Потому что когда ты лежишь в онко, все микробы кажутся тебе страшными и опасными. Уже потом у меня появилось понимание, что микробы бывают всегда и везде, но одного ребёнка поражают, а другого почему-то нет.

Я считаю, что моего ребёнка болезнь не изменила. Я просто не позволила этому произойти. Мне кажется, что как только на человеке появляется ярлык

«онкобольной», ему становится очень сложно сдвинуться в сторону выздоровления. Кроме того, у него появляется мощный инструмент манипулирования окружающими. Удобно цепляться за болезнь, чтобы к тебе относились более бережно. Но я с самого начала повторяла ей: «Никакая ты не особенная! Ты — обычный ребёнок!» — в это было просто поверить, мы лежали в больнице, все дети были как Нонна. Всё поменялось, когда мы вышли из онко. Меня просто бесило, что мой ребёнок не вписывается в рамки, что на него таращатся, потому что он лысый.

Я много наблюдала и много думала, в онкологии лежат дети из разных семей, лейкоз не выбирает по социальному статусу. И стало понятно, что некоторые мамы трясутся над своим единственным ребёнком, а у некоторых по пять детей, которые носятся без надзора по улице, и ничего их не берёт.